
ВОПРОСЫ ВЫПУСК 1(77), 2022

ПОЛИТОЛОГИИ

Научный журнал

Журнал «Вопросы политологии» включен
в Перечень рецензируемых научных изданий
ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ
по политическим наукам, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты на соискание ученой степени кандидата
наук, на соискание ученой степени доктора наук

Журнал включен в Перечень научных изданий
рекомендованных ВАК Республики Узбекистан
для публикации основных научных результатов диссертаций
по политическим и философским наукам

МОСКВА, 2022

ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ

Научный журнал

ISSN 2225–8922

Председатель Редакционного Совета – ПЛАТОНОВ В.М.,
к.ю.н., заведующий кафедрой политического анализа и управления РУДН,
Председатель Московской городской Думы (1994–2014 гг.)

Редакционный Совет

АВАЗОВ Камиль Халиевич	д.ф. (PhD) по полит. наукам, Региональный центр переподготовки и повышения квалификации работников народного образования Сурхандаринской области (Узбекистан, г. Ташкент)
АСТВАЦАТУРОВА Майя Арташеговна	д.п.н., профессор, Пятигорский государственный университет (Россия, г. Пятигорск)
БЛОХИН Владимир Владимирович	д.п.н., профессор, РУДН (Россия, г. Москва)
БОЖАНОВ Владимир Александрович	д.и.н., профессор, Белорусский Национальный технический университет (Белоруссия, г. Минск)
ВАНКОВСКА Биляна	профессор политологии и международных отношений факультета философии Университета Святых Кирилла и Мефодия (Македония, г. Скопье)
ВЕДРИН Оливье	профессор, ректор «Континентального университета в Киеве» (Франция, г. Париж)
ВЕЛИКАЯ Наталья Михайловна	д.п.н., профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН, РГГУ (Россия, г. Москва)
ГОНЧАРОВ Пётр Константинович	д.с.н., профессор, Российский университет транспорта (МИИТ) (Россия, г. Москва)
ГРАЧЁВ Михаил Николаевич	д.п.н., профессор, РГГУ (Россия, г. Москва)
ЭМБЭРЭЛ К.	доктор (PhD), Институт международных отношений АН Монголии (Монголия, г. Улан-Батор)
ДОНАЙ Лукаш	д.п.н., профессор, Университет им. Адама Мицкевича в Познани (Польша, г. Познань)
ЖИЛЬЦОВ Сергей Сергеевич	д.п.н., профессор, Дипломатическая академия МИД РФ (Россия, г. Москва)
КАРАДЖЕ Татьяна Васильевна	д.ф.н., профессор, МПГУ (Россия, г. Москва)
КАССАЕ НЫГУСИЕ В. МИКАЭЛЬ	д.и.н., профессор, РУДН (Россия, г. Москва)
КОВАЛЕНКО Валерий Иванович	д.ф.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)
КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна	д.с.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
КРИВОКАПИЧ Борис	д.ю.н., Унион–Никола Тесла университет (Сербия, г. Белград)
МЕДВЕДЕВ Николай Павлович	д.п.н., профессор, главный редактор журнала (Россия, г. Москва)
МИХАЙЛОВ Вячеслав Александрович	д.и.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
НАЗАРОВА Елена Александровна	д.с.н., профессор, МГИМО МИД России (Россия, г. Москва)
НАЗАРОВ Александр Данилович	д.и.н., профессор, МАИ (Россия, г. Москва)
НАСИМОВА Гульнара Орленбаевна	д.п.н., профессор, Казахский Национальный университет им. Аль-Фараби (Казахстан, г. Алматы)
НИСНЕВИЧ Юлий Анатольевич	д.п.н., профессор, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)
ОРЛОВ Игорь Борисович	д.и.н., профессор, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)
ПАХРУТДИНОВ Шукритдин Ильясович	д.п.н., профессор, Институт переподготовки и повышения квалификации руководителей и специалистов системы народного образования имени А. Авлони (Узбекистан, г. Ташкент)
ПЛЯЙС Яков Андреевич	д.и.н., д.п.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ (Россия, г. Москва)
ПРЯХИН Владимир Федорович	д.п.н., профессор, РГГУ (Россия, г. Москва)
ПУСЬКО Виталий Станиславович	д.ф.н., профессор, ВА РВСН им. Петра Великого (Россия, г. Москва)
РУБАН Лариса Семёновна	д.с.н., профессор, отдел исследования проблем международного сотрудничества Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН (Россия, г. Москва)
СЛИЗОВСКИЙ Дмитрий Егорович	д.и.н., профессор, РУДН (Россия, г. Москва)
СЫЗДЫКОВА Жибек Сапарбековна	д.и.н., профессор, ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)
ХОПЕРСКАЯ Лариса Львовна	д.п.н., профессор, Киргизско-Российский славянский университет (Киргизия, г. Бишкек)
ШАРКОВ Феликс Изосимович	д.с.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
ЯН ФУЛИНЬ	проректор Хэйлунцзянского института иностранных языков (КНР, г. Харбин)

Редакционная коллегия

Главный редактор – МЕДВЕДЕВ Н.П., д.п.н., профессор

Абрамова О.Д. (д.п.н.)
Кетцян Г.В. (к.п.н. – зам. гл. редактора)

Насимова Г.О. (д.п.н.)
Шкурина С.С. (к.п.н. – ответ. редактор)

**ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН
В ПЕРЕЧЕНЬ ВАК РФ**

**УЧРЕЖДЕН
ООО «Издательство
«Наука сегодня»**

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны
культурного наследия

Per. № ПИ № ФС77–46176
от 12 августа 2011 г.
Журнал издается ежемесячно

Журнал включен в базу РИНЦ
(Российский индекс
научного цитирования)

Включен в каталог
Ulrich's Periodicals Directory

Пятилетний импакт-фактор: 1,489.

Адрес редакции:
115598, г. Москва, ул. Загорьевская,
д. 10, корп. 4, цокольный этаж,
помещение I, комната 7-1, офис 4
Тел.: (910) 463-53-42

Интернет-ресурс:
www.voprospolitolog.ru
E-mail: voprospolitolog@yandex.ru

Мнение авторов может
не совпадать с мнением редакции.
При перепечатке ссылка
на журнал обязательна.

Научные статьи, публикуемые
в журнале подлежат обязательному
рецензированию.

Ответственный редактор
Шкурина С.С.

Перевод
Чернышова Е.В.

Компьютерная верстка
Анциферова А.С.

Подписано в печать 27.01.2022
Формат 60×84/8. Объем 24,3.
Печать офсетная.
Тираж – 1000 экз.
(1-й завод – 500 экз.)
Заказ № 000.

Отпечатано в типографии
ООО «Белый ветер»
115054, г. Москва, ул. Шипок, 28
Тел.: (495) 651-84-56

ISSN 2225-8922 (print)

12 выпусков в год и

4 выпуска в год переводной (англ.) версии

Языки: русский, английский

<http://voprosplitolog>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Включен в каталог периодических изданий Ульрих

(Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>)

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ

Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 70035

Цели и тематика

Журнал ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ – периодическое международное рецензируемое научное издание в области политических исследований. Журнал является международным как по составу редакционного совета и редколлегии, так и по авторам и тематике публикаций.

Научный журнал издается с 2011 года в издательстве «Наука сегодня». С 2016 года издается переводная (англ.) версия журнала. С момента своего создания, журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих политологических журналов России.

Цель журнала – способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований. Тематическая направленность журнала отражается в следующих постоянных рубриках: «История и философия политики», «Политические институты, процессы и технологии», «Политическая регионалистика и этнополитика», «Политическая культура и идеологии», «Политические проблемы международных отношений и глобализации».

Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, материалы круглых столов, научные рецензии, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политики и политологии.

В своей деятельности редакционный совет и редколлегия журнала руководствуется принципами, определяемыми ВАК России для научных журналов, в том числе: наличие института рецензирования для экспертной оценки качества научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Целевой аудиторией журнала являются российские и зарубежные специалисты-политологи, а также аспиранты и магистры, обучающиеся по направлениям политология, государственное и муниципальное управление и международные отношения.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования о подготовке и публикации статей, архив (выпуски с 2011 года) и дополнительная информация размещена на сайте: <http://voprosplitolog.ru>

Электронный адрес: voprosplitolog@yandex.ru

ISSN 2225-8922 (print)

12 issues a year plus

4 issues a year of the translated (eng.) version

Languages: Russian and English

<http://voprosplitolog>

Included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation

Included in the Ulrich's Periodicals Directory

Materials of the journal are placed on the RSCI platform of the Russian scientific electronic library – Electronic Journals Library Cyberleninka

Subscription index of the journal in the Rospechat Agency catalogue is: 70035

Objectives and themes

Academic journal “Political Science Issues” is an international peer-reviewed scientific periodical in the field of political studies. The journal has an international character because of the composition of its Editorial Board, its editors, its contributing authors and topics of its publications.

The scientific journal is published since 2011 at the “Publishing House “Science Today”. Translated (eng.) version of the journal is published since 2016. Since its inception, the journal was guided by high scientific and ethical standards and today it is one of the leading political science journals in Russia.

The purpose of the journal is to promote scientific exchange and cooperation between Russian and foreign political scientists.

The journal is intended for the publication of the results of fundamental and applied scientific research. Thematic focus of the journal is reflected in the following permanent headings: “History and philosophy of politics,” “Political institutions, processes and technologies,” “Political regionalism and ethno-politics,” “Political culture and ideologies,” “Political problems of international relations and globalization.”

Format of publications: scientific articles, reviews, scientific materials, materials of round tables, scientific reviews, scientific reports devoted to research problems in the field of politics and political science.

The Editorial Board and the editors of the journal in their activities are guided by the principles defined by VAK of Russia for scientific journals, including: presence of the institute of peer review for the expert quality assessment of scientific articles; information openness of the publications; availability and compliance with the rules and ethical standards for the submission of manuscripts by the authors.

The target audience of the journal is Russian and foreign specialists-political scientists, as well as graduate students and masters in the fields of political science, state and municipal management and international relations.

The journal strictly adheres to the international publishing standards and publication ethics identified in the *COPE (Committee on Publication Ethics)* document. <http://publicationethics.org>.

Full details of the journal and its editorial policy, requirements to the preparation and publication of articles, archive (issues since 2011) and additional information are available on the website: <http://voprosplitolog.ru>

E-mail address: voprosplitolog@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ

- Йозеф Храбина.** The Problem of Stability and Durability of Multipolar Structures/Проблема устойчивости и надежности многополярных структур.....10
- Добромыслов А.С.** Демографические исследования в рамках политической науки.....17

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

- Чемшист А.А., Стаценко О.С., Чемшист Д.А.** О цивилизационной гордости великороссов.....22

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

- Чимирис Е.С.** Использование методики анализа фреймов для изучения доверия: опыт построения исследовательской модели..... 32
- Федотова В.А.** Идентичность как детерминанта доверия к власти и политической активности на примере российской молодежи.....47

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

- Зимин В.А.** Мигранты на российском рынке труда56
- Малахов А.А.** Борьба с бедностью как этическая проблема и политическая стратегия..... 65
- Внук В.К.** Сравнительный анализ предвыборных программ парламентских политических партий на выборах в Государственную Думу ФС РФ VIII созыва 73
- Золотарев Н.А., Попов С.И., Гришин В.О.** Миграционные процессы как глобальное социально-политическое явление.....84

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ ПОЛИТИКИ

- Гончарова И.В.** Устойчивое развитие государства и социальные технологии..... 92
- Чижевский Я.А.** К вопросу о внедрении модели ценностно-ориентированного здравоохранения в России.....111

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

- Михайленко А.Н., Храмова А.В.** Потенциал развития Евразийского экономического союза.....124
- Сурма И.В.** Североатлантический альянс и угрозы цифровому суверенитету России.....135
- Титов В.Б., Макаров А.В.** Комплексные подходы России к формированию образовательного пространства в геополитическом измерении.....148

Тушков А.А., Алехина А.П. Этико-философские учения как паттерн формирования культурной идентичности Китая	157
Бобров А.К. Циклы российско-американских отношений в постбиполярный период (1991-2021 гг.).....	164
Шангараев Р.Н. Перспективы российско-турецких отношений в контексте строительства канала «Стамбул» и напряженности в Черноморском регионе.....	181
Вафин А.М. Идеология государственного служения в Японии.....	188
Васецова Е.С., Фатхуллина Д.В. «Мягкая сила» во внешней политике Объединенных Арабских Эмиратов	196
Кичаев П.А., Малик Е.Н. Политическая система Афганистана в новой архитектуре международных отношений	201
Осташова Я.В. Инструменты мягкой силы высшего образования России в контексте сотрудничества с Казахстаном	212
Телегин Д.С. Теоретические основы политики Соединенных Штатов Америки по сдерживанию Китайской Народной Республики в Индо-Тихоокеанском регионе	218
Бозоян Т.Р. Особенности политики АСЕАН в вопросе трудовой миграции	223
Аржанов И.А. Международно-правовой статус Арктики как элемент регионального геополитического соперничества.....	230
Власенко К.А. Сравнительный анализ санкционных политик ЕС и США	237
Гао Дай. Вейбо как инструмент общественного надзора в Китае.....	244
Финкельзон С.С. Реакция израильских харедим на борьбу с пандемией COVID-19 в стране.....	250
У Яньбинь. Основа геополитической концепции «Индо-Тихоокеанского региона»	267
Санжиева А.Д. Агентство цифровизации Японии как актор цифровой трансформации государства.....	273
Басов О.Н. Инструменты внутриэлитной борьбы за политическую власть и влияние с участием некоммерческих организаций (на примере современных США).....	280
Хазели Реза. Международная трудовая миграция и трансферты мигрантов	294
Баракат Кайс Абдулла Махмуд, Сеифи Мустафа Салеем Мустафа, Абахра Мушир Ибрагим Хасан. Палестино-израильский конфликт в контексте внешней политики России.....	301

СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУКА

Тарасочкина Д.Д., Степанькова Д.С., Зряева Е.С. Дискурс-анализ в исследовании СМИ на примере прессы в странах Северо-Восточной Азии.....	307
---	-----

<i>Баранова Ю.В., Леонова А.А., Фам Тхи Минь Хуен.</i> Проблемы международно-правового регулирования предотвращения загрязнения морской среды в Северной Пацифике	314
<i>Кражан А.С.</i> Актуальность введения антикоррупционного комплаенс-контроля в российский бизнес.....	321
<i>Дубинин А.А.</i> Терроризм в Сахельском регионе: опыт Франции и новые вызовы	327
НАШИ АВТОРЫ	336
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ	345
РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ	347

ЦИКЛЫ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПОСТБИПОЛЯРНЫЙ ПЕРИОД (1991-2021 гг.)

В статье рассматриваются циклы российско-американских отношений в постбиполярный период. Вопреки сложившимся к середине 2010-х годов в отечественной американистике двум основным подходам к периодизации, строящихся либо на основе циклов ядерного разоружения, либо с учетом происшедшего на фоне прихода к власти новых Президентов США сближения отношений, предложенный автором взгляд на новейшую историю двусторонних связей отличается анализом их постоянных характеристик, коими выступают система взаимного сдерживания, чрезмерная политизация всех сфер взаимодействия (от экономики до культуры и спорта), проблема статуса как первопричина многих противоречий, низкий уровень экономической взаимозависимости, и, как результат, влияние динамики личных отношений глав обоих государств. Таким образом, автор предлагает рассматривать диалог между двумя странами сквозь призму шести этапов: двух «длинных» – 1991-2000 гг., 2000-2008 гг., и четырех «коротких» – 2008-2012 гг., 2012-2016 гг., 2016-2020 гг., 2020 по н.в., каждый из которых будет подробно рассмотрен в тексте статьи.

Ключевые слова: *российско-американские отношения, циклы, Б.Н. Ельцин, В.В. Путин, Д.А. Медведев, Дж.-Буш-ст., Б. Клинтон, Дж. Буш-мл., Б. Обама, Д. Трамп, Москва, Вашингтон, Кремль, Белый дом.*

Введение. До середины 2010-х годов в отечественных научных публикациях, аналитических докладах и экспертных оценках сформировались два основных подхода к периодизации российско-американских отношений в постбиполярный период.

Согласно первому из них, кооперативные и конфронтационные периоды в двусторонних связях определяются циклами ядерного сдерживания [4], в соответствии с которыми стремление обеих держав к сотрудничеству (1991-1993 гг., 2002-2002 гг., 2008-2010 гг.) объяснялось необходимостью

заклучения соглашений в области контроля над вооружениями (СНВ – 1, СНВ – 2, СНП и СНВ – 3). Однако при таком подходе остаются неясными причины, по которым Москва и Вашингтон, находясь на пороге полного краха сложившейся системы разоружения в связи с долгой пробуксовкой переговоров о пролонгации СНВ-3, продолжали повышать градус соперничества во второй половине 2010-х.

В соответствии со вторым подходом, вышеуказанные периоды сближения были продиктованы теми надеждами, которые возлагались на новых глав государств, пришедших к власти в Белом Доме и Кремле соответственно [10]. Тем не менее, данный принцип не дает объяснения тому, почему победы на выборах Д. Трампа в 2016 г. и Дж. Байдена в 2020 г. не вселяли оптимизм относительно возможности выхода из затяжного кризиса, в котором оказался диалог двух стран, в связи с чем все более популярными становились рассуждения о необходимости квалифицирования нынешнего этапа конфронтации как «Холодная война 2.0» [8].

Не желая излишне упрощать российско-американские отношения, сводя их исключительно к периодам преимущественного сотрудничества или соперничества, автор данной статьи считает необходимым обратить внимание на те константы, которые определяли характер двухсторонних связей на протяжении всех трех десятилетий после распада СССР:

1) Сохранение системы стратегической стабильности, что сформировало понимание недопустимости прямого вооруженного конфликта. Как результат, растущая политизация всех сфер взаимодействия (от традиционных военно-политической до спорта и культуры, которые а priori должны оставаться вне политики) и взаимные обвинения во вмешательстве во внутренние дела друг друга. Этим же объясняется диаметральный характер подходов к региональным проблематикам (Югославия, Ирак, Ливия, Сирия, Венесуэла, Белоруссия и др.), когда многое из происходящего в третьих странах воспринимается сквозь призму «игры с нулевой суммой».

2) Относительно низкий для подобного рода держав товарооборот и невысокий уровень экономической взаимозависимости, что позволяло Вашингтону безболезненно сохранять имевшиеся ограничения (поправка Джэксона – Вэнника) и вводить новые рестриктивные меры (Акт Магнитского, различные пакеты санкций с 2014 г. и пр.).

3) Наличие областей сотрудничества, предполагающих взаимодействие двух стран независимо от политической конъюнктуры: освоение космоса (от совместного управления МКС до использования США космических кораблей «Союз» и российских двигателей РД-180), борьба с терроризмом (например, участие США в предотвращении теракта в Санкт-Петербурге в декабре 2017 г.), присутствие американских компаний на российском рынке.

4) Приоритетность проблемы статуса, в соответствии с которой Москва требует от Вашингтона развития равноправного сотрудничества, основан-

ного на взаимном учете интересов, в то время как США, привыкшие после окончания «Холодной войны» и распада СССР к роли гегемона, не желают воспринимать в качестве равной себе страну, чей экономический потенциал значительно меньше американского.

5) Высокий уровень персонификации отношений, трансформация которых зависит не только от фактора личности руководителей, но и от динамики профессиональных и личных отношений, складывающихся между конкретными главами государств в определенный исторический период.

Таким образом, в продолжение научной традиции, заложенной известным специалистом по России Анжелой Стэнт [11], циклы российско-американских отношений следует рассматривать не с точки зрения смены периодов сотрудничества и соперничества, а сквозь призму смены власти в Москве и Вашингтоне, что означает, что диалог двух стран в постбиполярную эпоху (1991-2021 гг.) прошел через шесть этапов развития, из которых два «длинных» (эры Ельцина – Буша-ст./Клинтона (1991-2000 гг.), Путина – Буша-мл (2000-2008 гг.) и четыре «коротких» (периоды Медведева – Обамы (2008-2012 гг.), Путина – Обамы (2012-2016 гг.), Путина – Трампа (2016-2020 гг.) и Путина – Байдена (2020 по н.в.)). Наглядность подобной периодизации подтверждается еще и тем обстоятельством, что эволюция двусторонних связей напрямую влияет на концептуализацию доктринальных внешнеполитических подходов Москвы, выражающейся появлением обновленных редакций Концепции внешней политики (предыдущие версии выходили в 1993 г., 2000 г., 2008 г., 2013 г. и 2016 г., в то время как сегодня в недрах различных министерств и ведомств разрабатывается текст нового варианта документа, появление которого запланировано на 2022 г.).

Эра Ельцина – Буша-ст./Клинтона (1991-2000 гг.). Психология личных взаимоотношений (чуть более продуктивных – в паре Ельцин – Дж. Бушем-старшим, а в отношениях между Б.Н. Ельциным и Б. Клинтон – чуть более конфликтных) определяла общий тон российско-американских отношений в 1990-х, в которых Вашингтон играл роль ведущего и образца для подражания, в то время как Москва довольствовалась положением ведомого, нуждающегося как в политической поддержке на мировой арене, так и в экономической помощи для осуществления болезненных преобразований внутри страны. Именно в этот период диалог двух стран будет характеризоваться провозглашением нового качества отношений (близким по своему характеру к квазисоюзническим), глубокой проработкой системы контроля над вооружениями, созданием инфраструктуры для торгово-экономического взаимодействия, построением новой архитектуры европейской безопасности и интеграции России в постбиполярный порядок международных отношений [12].

С самых первых дней существования новой России обе стороны поддерживали интенсивный политический диалог, характеризовавшийся прак-

тикой проведения ежегодных саммитов, а также регулярных встреч на полях крупных форумов. Более того, Президент США Дж. Буш-старший стал первым иностранным лидером, кому позвонили Б.Н. Ельцин, Л.М. Кравчук и С.С. Шушкевич после подписания Беловежских соглашений от 8 декабря 1991 г. [7]. Этот символический жест стал предвестником нового типа взаимоотношений между бывшими антагонистами по временам Холодной войны, закрепленного в целом ряде последующих документов: Кемп-Дэвидской декларации о принципах новых взаимоотношений от 1 февраля 1991 г., в которой Россия и США заявили о том, что «не рассматривают друг друга в качестве противников», Хартии российско-американского сотрудничества от 17 июня 1992 г., согласно которой Москва и Вашингтон обязались «тесно взаимодействовать на международной арене...», а также Ванкуверской декларации, подписанной в апреле 1993 г. на встрече Б.Н. Ельцина и Клинтона в Канаде, провозгласившей «новое демократическое партнерство».

В области контроля над вооружениями многие двусторонние договоренности во многом базировались на модальностях подписанного накануне распада СССР договора СНВ-1 от 31 июля 1991 г., в соответствии с которым стороны обязались ограничить свои ядерные арсеналы до 6 тыс. ед. В мае 1992 г. был подписан Лиссабонский протокол к ДСНВ-1, согласно которому Россия и США добились от Украины, Белоруссии и Казахстана взятия обязательств по вхождению в ДНЯО на правах неядерных держав и завершения процесса вывоза на территорию РФ всего тактического ядерного оружия бывшего СССР. Летом того же года было подписано двустороннее «Соглашение относительно безопасных и надежных перевозок, хранения и уничтожения ядерного оружия и предотвращения его распространения», ставшее одним из ключевых элементов программы Нанна-Лугара (1991-2012 гг.), распространявшейся не только на территорию России, но и другие страны СНГ. В январе 1993 г. в ходе визита в Москву Дж. Буша-старшего, ушедшего с поста Президента, был заключен договор СНВ-2, предусматривавший сокращение количества стратегических боеголовок до 3-3,5 тыс. ед. к 2003 г. И хотя текст документа был ратифицирован только США, его положения служили общим ориентиром для двустороннего процесса разоружения на ближайшее десятилетие. Месяц спустя обе стороны согласовали текст рассчитанного на 20 лет соглашения ВОУ-НОУ (прекратившего свое действие лишь в 2021 г.), предполагавший переработку высокообогащенного оружейного урана в низкообогащенный, который мог быть в дальнейшем использован как топливо для атомных электростанций в США, что стало ядром программы «Мегатонны в мегаватты».

Логическая взаимосвязь между установлением новой модели взаимоотношений и процессом ядерного разоружения проявилась и в таких совместных действиях как принятие Декларации о совместном ненацеливании стратегических ядерных ракет, подписанной в январе 1994 г. в ходе визи-

та Б. Клинтона в Москву, совместная работа над бессрочным продлением ДНЯО, произошедшее в мае 1995 г. и подписание ДВЗЯИ в сентябре 1996 г. Наконец, после длительных переговоров министр иностранных дел Е.М. Примаков и Государственный секретарь М. Олбрайт договорились в Нью-Йорке в сентябре 1997 г. о разграничении стратегической и тактической ПРО, а также переносе ликвидации стратегических наступательных вооружений на более поздний срок до 31 декабря 2007 г. [1].

В этот же исторический период были заложены основы торгово-экономического сотрудничества стран в постбиполярный период. Так, еще на саммите в Кемп-Дэвиде в 1992 г. Россия получила зеленый свет на вступление в МВФ, произошедшее с 1 июня того же года, в то время как в октябре был принят Закон о поддержке свободы («Freedom Support Act»), в соответствии с которым США взяли на себя обязательства по оказанию экономической помощи Москве в размере около 4 млрд. долл. В апреле же 1993 г. в связи с провозглашением «нового демократического партнерства» обе стороны объявили о создании Российско-американской комиссии по экономическому и технологическому сотрудничеству, более известной как «Комиссия Чернобырдин-Гор». Наконец, получив согласие Вашингтона на вступление в Парижский клуб кредиторов и став его полноправным участником в сентябре 1997 г., Россия повысила свой статус, став со временем государством-донором, а не, как это изначально сложилось, реципиентом экономической помощи.

Что же касается новой архитектуры безопасности, то ее основные контуры были сформированы в 1990 г. в связи с принятием двух документов – Парижской хартии для новой Европы и Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). В этой связи, Россия уже 20 декабря 1991 г. вошла в ново-созданный Совет североатлантического сотрудничества (с 1997 г. – Совет евроатлантического партнерства), ставшим механизмом политического диалога между странами НАТО и бывшими государствами-участниками ОВД. Параллельно с этим с 1991 по 1994 гг. наша страна осуществляла вывод войск из Германии, а также стран Восточной Европы и Балтии. В июне 1994 г., находясь с визитом в Брюсселе, Министр иностранных дел России А.В. Козырев подписал соглашение о присоединении к программе «Партнерство ради мира», предполагавшее развитие сотрудничества в военно-политической сфере [5]. Полгода спустя усилиями Вашингтона и Москвы удалось осуществить постепенную трансформацию СБСЕ в ОБСЕ, произошедшую в канун двадцатилетнего юбилея «Хельсинского процесса». Не менее важным для построения архитектуры безопасности на кооперационной основе стала договоренность, достигнутая в 1995 г. на саммите в Нью-Йорке, о совместном участии российских и американских миротворцев в Боснии. Венцом же военно-политических усилий двух стран того периода стало подписание в мае 1997 г. в Париже Основополагающего Акта Россия-НАТО, учредившего одноименный

Совет, ставшего ключевым механизмом сотрудничества Москвы со странами Альянса.

Наконец, одной из важнейших основ российско-американского сотрудничества в 1990-х были усилия, направленные на интеграцию новой демократической России в постбиполярную структуру международных отношений, центральное положение в которых занимали институты многосторонней дипломатии, управляемые или ведомые страны т.н. «коллективного Запада». Как результат, первостепенной для интересов Москвы становилась задача вхождения в Группу 7, завершившейся в 1998 г. на Саммите в Бирмингеме и последующей трансформацией клуба в Группу 8, и обретения статуса постоянного члена Совета Европы, полученного в 1996 г.

Тем не менее, даже в этот продуктивный для двусторонних отношений период диалог между двумя странами не был лишен целого ряда структурных противоречий по проблемам, связанным как различными аспектами двусторонних отношений (пробуксовка в ратификации Россией ДСНВ-2, расширение НАТО на восток, проблема адаптации ДОВСЕ) и др. с различными региональными проблематиками: ситуацией вокруг ядерной программы Ирана, гражданской войной в Боснии, ситуациями в Ираке и Косово. В этой связи, главным символом накопленного обеими странами взаимного раздражения стала знаменитая «Петля Примкова», разворот над Атлантикой самолета с делегацией во главе с Председателем Правительства, осуществленный в знак протеста против бомбардировок Югославии, что многие восприняли в качестве предвестника новой модели взаимосвязей между двумя державами в наступающем XXI в.

Эра Путина – Буша мл. (2000-2008 гг.). Приход к власти «преемника» Б.Н. Ельцина – В.В. Путина и неожиданная победа кандидата от Республиканской партии Джорджа Буша-младшего над оппонентом из Демократической партии, бывшим вице-президентом Альбертом Гором ознаменовали новую эру в российско-американских отношениях, характеризовавшихся определенной амбивалентностью: поиск консенсуса и стремление достигать конкретные договоренности по одним вопросам не служил гарантией от обострения противоречий в других областях взаимодействия [11].

Так, например, первые годы сотрудничества стали одними из самых плодотворных с точки зрения достижения конкретных договоренностей. Установив рабочие отношения с уходящей Администрацией Б. Клинтона в 2000 г., новый Президент России добился подписания меморандума о создании совместного Центра обмена данными от систем раннего предупреждения и уведомления о пусках ракет, ратификации Россией ДСНВ-2 с ПРО и Нью-йоркскими соглашениями 1997 г. и отмены введенного за пять лет до этого моратория на поставки вооружений в Иран. Не менее результативным было и сотрудничество нового руководства России с Администрацией Дж. Буша-мл. Еще в декабре 2000 г. Москва и Вашингтон выступили в ка-

честве соавторов резолюции Совета Безопасности ООН № 1333, вводившей запрет на продажу оружия и поддержание авиасообщения с режимом талибов в Афганистане. Полгода спустя на саммите в Любляне, по итогам которого Дж. Буш сделал свое знаменитое заявление о том, что ему удалось «заглянуть в душу» российского Президента, обе страны запустили новый формат бизнес-диалога, упразднив комиссию Гора-Черномырдина. Более того, В. Путин был первым иностранным лидером, кто выразил соболезнование лидеру США в связи с терактами 11 сентября, предложив помощь в создании антитеррористической коалиции, выраженной в виде поддержки в открытии баз США в Узбекистане и Киргизии, просуществовавших до 2005 и 2009 гг. соответственно.

Объединение перед лицом новых вызовов и угроз благоприятно сказались и на стратегическом диалоге двух стран. Так, например, в мае 2002 г. на саммите в Пратика-ди-маре близ Рима была заключена Декларация о новом качестве отношений между Москвой и Североатлантическим альянсом, учредившая Совет Россия-НАТО, трансформировавший практику решения проблем по формуле «19+1», когда страны блока согласовывали свои решения между собой перед тем, как вести переговоры с Россией, в механизм постоянно действующей «двадцатки», в котором наша страна воспринималась в качестве неотъемлемого участника переговорного процесса. Ровно год спустя на полях празднований 300-летия Санкт-Петербурга Москва и Вашингтон согласовали двустороннюю декларацию о новых стратегических отношениях, сформировав рабочую группу для выработки повестки для американо-российских отношений. Более того, 13 июля 2007 г. состоялось заседание группы общественного диалога «Россия-США: взгляд в будущее» во главе с Е.М. Примаковым и Г. Киссинджером, а в октябре того же года был апробирован формат встреч 2+2 (Министров иностранных дел и Министров обороны двух стран). Не лишним будет отметить, что даже в последний год своих президентских полномочий оба лидера стремились искать пути развития диалога, свидетельством чего стало принятие Сочинской декларации о стратегических рамках российско-американских отношений [14], в которой был отражен комплексный характер взаимодействия между двумя странами по основным направлениям взаимодействия в целях обеспечения стабильности на обозримую перспективу [2].

Что же касается ядерного разоружения, то несмотря на односторонний выход США из Договора по ПРО в 2001 г. и связанный с ним отказом России от Договора СНВ-2, уже в 2002 г. Москва и Вашингтон подписали договор о стратегических наступательных потенциалах (СНП), в соответствии с которым ограничивалось количество ядерных боеголовок на стоящих на боевом дежурстве ракетах до 1700-2200 ед. [1]. В феврале же 2005 г. на саммите в Братиславе оба Президента учредили российско-американскую межведомственную группу высокого уровня по сотрудничеству

по в вопросах безопасности в ядерной сфере (включая утилизацию расщепляющихся материалов, более не требуемых для целей обороны). Наконец, в 2006 г. на полях саммита Группы 8 в Санкт-Петербурге В.В. Путин и Дж. Буш объявили о создании Глобальной инициативы по борьбе с ядерным терроризмом (the Global Initiative to Combat Nuclear Terrorism).

Тем не менее, вышеупомянутые кооперативные начала в отношениях двух держав не служили гарантией от столкновения по некоторым особо острым вопросам того исторического периода, делавшие двусторонний диалог более конфликтным, чем в предыдущий исторический период. Так, одним из первых «раздражителей» стало тройственное осуждение России, Германии и Франции готовившейся интервенции США в Ираке в 2003 г. Дальнейшее охлаждение отношений произошло в связи с крупнейшим в истории расширением НАТО, по результатам которого в Альянс вступили Болгария, Румыния, Латвия, Литва, Эстония, Словения, Словакия. В 2006 г. столкновение двух стран происходило вокруг вопросов энергетической безопасности в Европе, когда вице-Президент США Д. Чейни в контексте кризиса, связанным с транзитом газа через Украину, осудил использование Россией своих ресурсов давления как инструмента давления, а также в связи с конфликтом в Кодорском ущелье, в рамках которого Грузия ввела войска на территорию Абхазии в нарушение Московских соглашений 1994 г. Противоречия по различным региональным проблемам продолжили накапливаться и в 2007 г., когда Москва и Вашингтон имели различные подходы к характеру российско-иранского сотрудничества (США ввели ряд санкций против российских компаний, оказывавших содействие оборонным программам Ирана, в то время как Москва не отказалась от поставки Тегерану комплекса Тор-М1), проблематике размещения Соединенными Штатами систем ПРО в Чехии и Польше (в качестве альтернативы российская сторона выдвигала идею использования Габалинской РЛС в Азербайджане), а также ситуации вокруг ДОВСЕ (где в ответ на отказ стран НАТО от ратификации подписанного в 1999 г. адаптированного соглашения Россия ввела мораторий на исполнение условий соглашения). Наконец, окончательная деградация отношений произошла в 2008 г. в связи с односторонним провозглашением независимости Косово, планами по расширению НАТО на Украину и Грузию, озвученным на саммите НАТО в Бухаресте, установлением Россией комплексов «Искандер» в Калининграде в ответ на размещение американских ракет-перехватчиков в Польше, а также агрессией Грузии против Южной Осетии, одним из последствий которой стало приостановление деятельности России-НАТО [11].

Период Медведева – Обамы (2008-2012 гг.). Победа на президентских выборах в 2008 г. Д.А. Медведева и складывание во внутренней политике России новой конфигурации власти – т.н. «тандема», предполагавшего сохранение влияния на внешнюю политику Председателя Правительства

В.В. Путина привели к негласному распределению обязанностей в развитии диалога с Вашингтоном, где роль «хорошего полицейского» и главного переговорщика с США была уготована новому главе государства, сумевшему выстроить хорошие рабочие и личные отношения с новым Президентом США Б. Обамой. Этот период, названный с подачи журналистов «перезагрузкой» (увековечивших знаменитый протокольный ляп Х. Клинтон на ее первой встрече с Министром иностранных дел С.В. Лавровым в Женеве), вошел в историю как время громогласных инициатив, лишь часть из которых привела к достижению конкретных результатов [9].

Так, например, с самого начала своего президентства Д.А. Медведев продвигал проект Договора европейской безопасности, предполагавший закрепление в международном праве принципа неделимости безопасности, согласно которому ни одна международная организация или отдельно взятое государство не имели права укреплять свою безопасность за счет безопасности других [3]. В те же годы страны-члены ОБСЕ запустили т.н. «процесс Корфу», предполагавший проведение дискуссий по реформированию Организации, одним из немногих промежуточных результатов которого стало созыв единственного в XXI в. саммита в Астане в 2010 г. Наконец, в ответ на реализацию США Европейского поэтапного адаптивного подхода в 2009 г. российская сторона выдвигала ряд предложений по развитию сотрудничеству в области противоракетной обороны Европы (т.н. «Евро ПРО»).

Что же касается безоговорочных достижений того периода, то безусловным будет являться тот факт, что надежды, связанные с фигурами имевших оглушительный успех на выборах первым темнокожим Президентом США и молодым Президентом-реформатором, воплотились в целый ряд стратегических договоренностей. В частности, по итогам визита Б. Обамы в Москву в июле 2009 г. было принято решение о создании взамен ранее существовавшей комиссии Гор-Черномырдин российско-американской Президентской комиссии, объединившей 17 подкомиссий, занимавшихся развитием самых разных областей двустороннего сотрудничества [15]. Тогда же было подписано соглашение о транзите через российскую территорию военных грузов для операции НАТО в Афганистане (аналогичное соглашение о транзите невоенных грузов было заключено еще в апреле 2008 г.).

В области контроля над вооружениями обе стороны подписали в Праге в 2010 г. Договор о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (ДСНВ-3), заключенного сроком на 10 лет после вступления в силу в 2011 г. и предусматривавшего сокращение каждой из сторон развернутых ядерных боезарядов до 1550 ед., а компонентов «ядерной триады» (межбаллистических ракет, баллистических ракет на подводных лодках и тяжелых бомбардировщиков) – до 700 ед. [1]. Более того, в январе 2011 г. вступил в силу подписанный Россия и США Договор о сотрудничестве в области мирного использования ядерной энер-

гии, более известный как «соглашение 123» (в честь 123-ой статьи Акта об атомной энергии США), являвшееся стандартным соглашением о мирном использовании атомной энергетики, заключенное между странами, намеревавшиеся вести совместные программы в данной области. Наконец, в 2011 г. завершилась ратификация упомянутого ранее в тексте статьи Соглашения об утилизации плутония.

Определенных компромиссов удалось добиться и по региональным проблематикам. Так, в июне 2010 г. Россия и США согласовали наиболее жесткий пакет санкций против Ирана, в связи с чем в сентябре того же года Президент РФ подписал указ, вводивший запрет на передачу Тегерану ЗРК С-300, отменив тем самым контракт на поставку комплексов, заключенный еще в конце 2007 г. Кроме того, в марте 2011 г. Д.А. Медведев отдал указание воздержаться при голосовании по резолюциям СБ ООН № 1973, вводившей «бесполетную зону» над Ливией. Наконец, одним из важнейших соглашений всего периода «Перезагрузки» стало завершение переговорного процесса по вступлению России в ВТО.

Тем не менее, уже к концу президентства Д.А. Медведева наметились окончательно проявившиеся лишь после победы В.В. Путина на выборах в 2012 г. кризисные тенденции, предтечей которых, в частности, выступили как дальнейшее расширение НАТО в 2009 г. за счет вступления Хорватии и Албании, так и крупнейший в истории двусторонних отношений шпионский скандал, произошедший в связи с рассекречиванием личностей десяти разведчиков-нелегалов в США в 2010 г., самыми известными из которых стали Анна Чапман и Андрей Безруков, и их обменом на осужденных за госизмену в форме шпионажа в пользу США четырех российских граждан, среди которых был и ставший впоследствии всемирно узнаваемым бывший полковник ГРУ Сергей Скрипаль.

Период Путина – Обамы (2012-2016 гг.). Роль «плохого полицейского» и жестко отстаивающего национальные интересы переговорщика, уготованная Председателя Правительства в 2008-2012 гг., выступает в качестве одной из ключевых причин постепенного сползания двусторонних отношений к конфронтации после т.н. «рокировки» в 2012 г., общий фон для деградации которых был задан динамикой личных носивших характер взаимного недоверия отношений глав государств, сложившихся со времен первой совместной встречи во время визита Б. Обамы в Москву в 2009 г.

Обвиняя Вашингтон в организации «белоленточного» протестного движения (2011-2013 гг.) и запретив в качестве ответной меры деятельность USAID на территории России в 2012 г., новый Президент РФ отменил свой визит в США на саммит Группы восьми, делегировав вместо себя Председателя Правительства Д.А. Медведева. Более того, в весьма напряженной обстановке проходила двусторонняя встреча глав государств «на полях» саммитов Группы двадцати в Лос-Кабосе в 2012 г. и Группы восьми в Лох-Эрне.

Наконец, этот формат был трансформирован обратно в Группу семи, когда в виде протеста против событий на Украине лидеры иностранных государств не приехали на саммит в Сочи в 2014 г. Кроме того, дополнительным раздражителем в диалоге двух Президентов также стало предоставление Россией в августе 2014 г. политического убежища бывшему сотруднику АНБ Эдварду Сноудену, неожиданно для себя оказавшемуся в транзитной зоне аэропорта Шереметьево после публикации в прессе разоблачений о разведывательной деятельности США по всему миру. Как результат, ни для кого не стал неожиданностью отказ Президента США от участия в проходивших в Москве юбилейных торжествах, посвященных празднованию 8 мая 2015 г. 70-летней годовщины Победы в Великой Отечественной войне.

Именно в этот период наметился кризис системы контроля над вооружениями. В частности, в феврале 2013 г. прекратило действие подписанный сроком на 20 лет соглашение ВОУ-НОУ. В июне того же года Москва сократила количество проектов, связанных с инспекциями американских специалистов на российские военные объекты, осуществлявшихся в рамках программы Нанна-Лугара. В октябре же 2016 г. Россия приостановила участие в Договоре о утилизации плутония. Продолжением же тенденции, направленной на постепенный отказ от систем ограничения не только ядерных, но и обычных вооружений, стал вынужденный выход нашей страны из ДОВСЕ в марте 2015 г.

Одной из самых сложных с точки зрения поиска компромиссов стала проблематика урегулирования конфликта в Сирии. Памятуя о последствиях, к которому привела пассивность Москвы при голосовании по резолюции СБ ООН № 1973, дававшая зеленый свет операции НАТО в Ливии, последующему краху режима М. Каддафи и развалу ливийской государственности, Россия с самых первых дней развития ситуации в САР заняла активную дипломатическую позицию, не просто блокируя проекты резолюций, направленные на создание условий для отправки в отставку Президента Башара аль-Ассада, но и стремясь сформулировать основополагающие принципы урегулирования конфликта. Как результат, совместная работа России и США в 2013 г. (прежде всего на уровне руководителей внешнеполитических ведомств – Министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова и Государственного секретаря США Д. Керри) привела как к достижению договоренности о созыве многосторонней конференции по разрешению кризиса, так и подписанию Рамочного соглашения об уничтожении сирийского химического оружия, позволившее предотвратить готовившуюся интервенцию США. Более того, подписание между Россией и Сирией соглашения о размещении вооруженных сил РФ на территории страны, заключенное в 2015 г. во многом позволило выйти на согласование положений резолюции СБ ООН № 2254, до сих пор остающейся ключевым документом урегулирования конфликта.

Не менее конфликтогенным для диалога между Россией и США оставалась тема санкций. Так, на смену действовавшей с 1974 г. поправке Джэксона-Вэнника США приняли в 2012 г. инициированный финансистом Уильямом Браудером Акт Магнитского, предусматривавший финансовые и визовые ограничения против лиц, в целом, ответственных за нарушение прав человека в России и, в частности, причастных к смерти в российской тюрьме бизнесмена Сергея Магнитского. В качестве ответной меры в России был принят закон Димы Яковлева, устанавливавший запрет на усыновление российских детей американскими семьями. Тем не менее, наиболее серьезный пакет ограничений был введен против России в связи с событиями на Украине в 2014 г. [6], включавший различные группы санкций – секторальные (т.е. введенные против компаний и предприятий нефтегазового, оборонного и банковского секторов экономики), географические (направленные против определенных регионов), двусторонние (включавшие замораживание различных форматов двустороннего сотрудничества) и персональные. Наконец, в октябре того же года США исключили Россию из списка развивающихся стран (в соответствии с действующей в стране Генеральной системой преференций), что означало, что импортируемые в США российские товары облагались в общеустановленном порядке.

Однако самой запоминающейся особенностью того периода отношений стал тот факт, что соперничество между двумя державами начало выходить за пределы традиционных областей противостояния в сферы, которые изначально не предполагают высокого уровня политизации. Так, вопреки устоявшейся максиме, что спорт должен быть вне политики, Международный Олимпийский комитет, действуя на основе показаний сбежавшего в США специалиста по анализу биологических данных Геннадия Родченкова, обвинявшего российских властей в создании системы, стимулирующей употребление допинга, принял решение не допустить до участия в Олимпийских играх 2016 г. в Рио-де-Жанейро национальные российские команды по легкой атлетике, академической гребле и тяжелой атлетике, а также дисквалифицировать всю параолимпийскую сборную России. Тяжелые последствия этих санкций не преодолены вплоть до сегодняшнего дня.

Другим выходящим за рамки традиционного противостояния действием стало решение уходящего Президента США Б. Обамы объявить о введении санкций против ряда российских граждан по обвинению в осуществлении кибератак на американские политические институты с целью недопущения победы на выборах Х. Клинтон, в связи с чем в канун нового 2017 года были высланы 35 российских дипломатов и члены их семей, а также арестованы две посольские дачи (в штатах Нью-Йорк и Мэриленд), что многими было воспринято как грозное предзнаменование перед грядущей деградацией двусторонних связей, которую мы наблюдаем сегодня.

Период Путина – Трамп (2016-2020 гг.). Неожиданная победа кандидата от Республиканской партии Д. Трампа над изначальным фаворитом в президентской гонке, кандидатом от Демократической партии Х. Клинтон с самого начала воспринималось не как неожиданный успех известного бизнесмена, а как доказательство «сговора с Россией», идея вмешательства в выборы которой для приведения к власти более удобного для себя кандидата, в своей публичной риторике высказывавшегося за построение конструктивных отношений с Кремлем, сделала российско-американские отношения того периода заложником внутривластной ситуации в США, в которой Д. Трамп и противостоящий ему истеблишмент соревновались в показательной жесткости по отношению к Москве, что объясняет всю ту череду санкций, которыми запомнилась эпоха «Путин-Трамп» [13].

Несмотря на различные попытки, направленные на «наведение мостов» между двумя лидерами, выраженные в виде непродолжительных встреч на полях различных саммитов или визитов специально делегированных главами государств официальных лиц (от США – М. Помпео или Д. Болтон, от России – С.В. Лавров, С.Н. Нарышкин, А.В. Бортников), а также достижение конкретных договоренностей на саммите в Хельсинки 2018 г., по итогам которого оба лидера договорились не только созданию различных рабочих групп, но и о поддержании постоянного диалога на уровне Советов Безопасности двух стран, любые позитивные шаги, направленные на восстановление утраченного доверия (как, например, предоставление США информации о готовившемся в Санкт-Петербурге в декабре 2017 г. теракте), не получали должного развития из-за продолжавшегося расследования спецпрокурора Мюллера, тщетно стремившегося в период с 2017 по 2019 гг. установить наличие каких-либо связей между ближайшим окружением Дональда Трампа и российскими должностными лицами. Как результат, чтобы не усиливать позиции противников действующего Президента в рядах истеблишмента, одним из проявлений противостояния с которыми стал знаменитый «шатдаун» (прекращение работы ряда госучреждений) в декабре 2018 г. – январе 2019 г., руководители США того периода шли на сознательное обострение отношений с Россией, осуществлявшееся по нескольким направлениям – путем слома системы контроля над вооружениями, подогревания противоречий по региональным вопросам и постоянного введения различных пакетов санкций.

Так, например, на фоне продолжившегося расширения НАТО на восток (в 2017 г. новым членом Альянса стала Черногория, а в 2020 г. – Северная Македония) США заявили об одностороннем выходе из Договора о ракетах средней и меньшей дальности (ДРСМД) (декабрь 2018 г.), Совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе (май 2019 г.), а также Договора по открытому небу (май 2020 г.). Более того, в условиях достижения обеими странами установленных ДСНВ-3 лимитов еще

в феврале 2018 г., Администрация Д. Трамп до последнего дня нахождения у власти затягивала процесс обсуждения условий пролонгации договора. Самым запоминающимся же ответом России на недружественные действия США того периода стало знаменитое послание Президента В.В. Путина Федеральному собранию от 1 марта 2018 г., в котором были анонсированы новейшие виды вооружений, способные нивелировать глобальную систему ПРО США.

Что же касается противоречий по региональным вопросам, то к традиционно конфликтогенным досье, к коим по-прежнему относилась ситуация в САР (хрестоматийным примером противостояния вокруг которого стали ракетные удары ВМС США по авиабазе Эш-Шайрат 7 апреля 2017 г.), добавились противоречия по ситуациям в Венесуэле (2019 г.) и Беларуси (2020 г.), развивавшихся по схожим сценариям: в условиях появления в стране альтернативных центров силы США и их союзники вставали на сторону «самопровозглашенных» лидеров (Х. Гуайдо, С. Тихановская), в то время как Россия, Китай и большинство стран мира продолжали поддерживать отношения с действующими властями (Н. Мадуро, А. Лукашенко).

Подобная внешнеполитическая линия Москвы была во многом продиктована тем обстоятельством, что за один только период с 2016 по 2020 гг. наша страна неоднократно становилась объектом внешнеполитического воздействия со стороны США, основным инструментом которого становилась санкционная политика. Не сумев выставить России в качестве агрессора, в том числе прибегающего к использованию химического оружия (как иллюстрация – попытки введения механизма атрибуции в ОЗХО, скандалы вокруг недоказанных отравлений С. Скрипаля (в 2018 г.) и А. Навального (в 2020 г.) и пр.), Вашингтон продолжал усиливать давление на Москву путем выдавливания российских СМИ из американского медиапространства (внесение RT в список иноагентов летом 2017 г.), значительного сокращения российского дипломатического присутствия в США (как пример, скандал вокруг отчуждения российской дипломатической собственности в июле 2017 г.) высылку дипломатов (крупнейшей из которых стало объявление *persona non grata* 60 сотрудников Посольства РФ в США и Постпредства при ООН в марте 2018 г.), введения различных визовых ограничений (результатом чего стал отказ от выдачи россиянам туристических виз, окончательно сложившийся к лету 2021 г.), принятием ограничительных мер против российских официальных лиц (в январе 2018 г. в санкционный список попали 210 представителей высшего руководства РФ), компаний (в частности, Digital security, Дайвтехносервис), коммерческих проектов (Северный поток-2) или отдельных бизнесменов (С. Керимов, О. Дерипаска, А. Миллер и др.), заключением под стражу российских граждан (дело Марии Бутиной) и даже ужесточением миграционного законодательства в целях борьбы с т.н. «родильным» бизнесом. Логично предположить, что тотальный характер дей-

ствий американских властей придал новый импульс дискуссиям в СМИ и научной литературе о вступлении российско-американских отношений в период новой «Холодной войны» [8].

Период Путина – Байдена (2020 по н.в.). На сегодняшний день по-прежнему сложно прогнозировать, как будут в дальнейшем складываться диалог двух стран. С одной стороны, отношения между двумя лидерами были с первых месяцев омрачены как запоздалым со стороны В.В. Путина поздравлением Джо Байдена с победой на выборах, так и неосторожным положительным ответом, данным американским Президентом на провокационный вопрос журналиста о том, не считает ли глава Белого дома своего российского коллегу «убийцей» (a killer), что было воспринято в Москве как недопустимая провокация и привело к временному отзыву Посла России А.И. Антонова в Москву для консультаций с настоятельным требованием в адрес Посла США Дж. Салливана последовать примеру своего визави. Более того, в начале января 2022 г. стартовали российско-американские переговоры в различных форматах (как в рамках двусторонних консультаций, так и на площадках Совета России-НАТО и ОБСЕ) о российских проектах договоров о гарантиях безопасности, в соответствии с которыми Москва добивается от Вашингтона юридически обязывающих соглашений о нерасширении НАТО на восток (прежде всего, за счет Украины и Белоруссии) и возвращении инфраструктуры Альянса к границам по состоянию на май 1997 г., в связи с чем диалог риторика в обеих столицах носит весьма ожесточенный характер.

С другой стороны, одним из первых решений, принятых новой Администрацией, стало согласие на предложение Москвы о пятигодичном продлении действия ДСНВ-3. Более того, оба Президента имеют обширный опыт взаимодействия, накопленный в период с 2008-2012 гг., когда нынешний Президент занимал должность Вице-президента. Именно это обстоятельство лежит в основе того сдержанного оптимизма, который спорадически появляется в России и США после личных контактов руководителей (Женевского саммита июня 2021 г. или видеосаммита 7 декабря 2021 г.). И хотя подобного рода встречи не приводят к принципиальному изменению сложившегося статуса-кво, есть все основания полагать, что данная «новая нормальность», в которой находятся отношения в начале своего четвертого десятка, будут развиваться в пределах, обозначенных обеими сторонами «красных линий», ведь именно к диалогу между двумя ядерными сверхдержавами как нельзя лучше применима знаменитая формула, что «хороший мир лучше доброй ссоры».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Антонов А.И.* Контроль над вооружениями: история, состояние, перспективы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); ПИ – Центр, 2012.

2. Декларация о стратегических рамках российско-американских отношений (5 апреля 2008 г.) // <http://kremlin.ru/supplement/3964/print>.

3. Проект Договора о европейской безопасности // <http://kremlin.ru/events/president/news/6152>.

4. *Фененко А.В.* Перспективы развития российско-американских отношений // Российский совет по международным делам. 14 марта 2013 // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/perspektivy-razvitiya-rossiysko-amerikanskikh-otnosheniy/>.

5. *Чуркин В.И.* Трудности перевода. М.: Абрис, 2020.

6. *Cohen S.F.* War with Russia? From Putin & Ukraine to Trump & Russia-gate / Hot Books; 1st edition. February, 2019.

7. *Kozyrev A.* The Firebird: The Elusive Fate of Russian Democracy. P.: University of Pittsburgh Press; First edition, 24 September 2019.

8. *Legvold R.* Return to Cold War // Polity; 1 edition, April 22, 2016.

9. *Mankoff J.* Russian Foreign Policy: The Return of Great-Power Politics // Rowman & Littlefield Publishers; Second edition, September 22, 2011.

10. *Rumer E., Sokolsky R.* Thirty Years of U.S. Policy Toward Russia: Can the Vicious Circle Be Broke? // Carnegie Endowment for International Peace. June 20th, 2019 // <https://carnegieendowment.org/2019/06/20/thirty-years-of-u.s.-policy-toward-russia-can-vicious-circle-be-broken-pub-79323>.

11. *Stent A.* The Limits of Partnership: U.S.-Russian Relations in the Twenty-First Century / P. Princeton University Press, 2014.

12. *Talbott S.* The Russia Hand: A Memoir of Presidential Diplomacy. P.: Random House Trade Paperbacks; Reprint edition, May 13, 2003.

13. *Tsygankov A.* The Dark Double. US Media, Russia and the Politics of Values. Oxford University Press, March 22, 2019.

14. <http://kremlin.ru/supplement/3964/print>.

15. https://carnegieendowment.org/files/Rojansky_report2011_RUS.pdf.

A.K. BOBROV

MGIMO – University, Ministry

of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-7055-3805

CYCLES OF THE US-RUSSIA RELATIONS IN THE POST-BIPOLAR PERIOD (1991-2021)

The article deals with the cycles of the US-Russia relations in the post-bipolar period (from 1991-2021). Far from depicting bilateral relations from the point of view of the two main approaches – the one that is based on the cycles of nuclear disarmament or the one that rests upon the periods of “rapprochement”

that transpire with every coming US President, the author makes an attempt to analyze the US – Russia relations by taking a closer look at their constant features, namely, mutual deterrence, the excessive politicization of every domain of cooperation (from economy to culture or sports), the tug-of-war on the status issue that is the root of all differences, a low degree of economic interdependence and, as a result, the dynamics of interpersonal interplay between the heads of states. Thus, the author suggests to address the two countries dialogue through the prism of six eras: two “long” ones – 1991-2000, 2000-2008, four “short” – 2008-2012, 2012-2016, 2016-2020, 2020 onwards, every single one of which will be thoroughly analyzed in the present article.

Key words: *the US-Russia relations, cycles, Boris Eltsin, Vladimir Putin, Dimitri Medvedev, George H.W. Bush, Bill Clinton, George W. Bush, Barack Obama, Donald Trump, Joe Biden, Moscow, Washington, the Kremlin, the White House.*